

СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Стихотворение «Моя родословная», написанное Пушкиным 3 декабря 1830 г., обычно рассматривается как эпизод в пушкинской полемике с Булгариным, протекавшей и в поэтической форме (естественно, со стороны Пушкина), и в форме литературной беллетризированной критики. Но объект сатиры в «Моей родословной» гораздо шире, а роль её в судьбе поэта необычайно велика. Литературоведами это произведение явно недооценено; например, в обобщающей монографии С.А. Фомичева «Поэзия Пушкина. Тюркская эволюция» упомянута ранняя шуточная «Моя эпитафия» [1], но не упомянута «Моя родословная».

Только А.А. Ахматова в вариантах к статье 1958 г. «Глбель Пушкина» со всей определенностью заявила: «Я всегда была твердо убеждена, что стихотворение «Моя родословная» (1830) сыграло роковую роль в отношении к Пушкину тех людей, с которыми он собирался жить. Как известно, не напечатанная при жизни (запрещенная Николаем I), она имела широкое хождение, и сохранилось несколько копий, сделанных самим Пушкиным. По мысли Пушкина, она должна была нанести обиду «новой знати», потомкам фаворитов 18 века, но Пушкин не рассчитал, что к его времени вся русская аристократия так или иначе уже была в родстве с этой новой знатью, охотно заключая браки с детьми и внуками фаворитов, – так что он обидел её всю» [2]. Далее Ахматова цитировала «Заметку о Пушкине» вюртембергского посла в России князя Х.-Л.-Ф.-Г. Гогенлоэ-Кирхберга, предназначенную для его правителя: « < ... > ответ Булгарину, в котором, отражая упреки аристократии, Пушкин с правом или без права нападал на самые высокопоставленные фамилии в России, – вот истинные преступления Пушкина, преступления тем более тяжкие, чем выше и богаче были его враги, чем теснее они были связаны с влиятельнейшими домами и окружены многочисленными приверженцами. < ... > Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в государстве) питала к Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло с его смертью» [3].

Собращения князя Гогенлоэ и вывод Ахматовой вполне подтверждают объяснение причин гибели Пушкина, данное Лермонтовым в «Смерти поэта», где «надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов, / Пятою рабскою поправшие обломки / Игрою счастья обиженных родов» – это не просто «жадной толпой стоящие у трона», но именно люди «подлого», «рабского» происхождения, разумеется, не буквально рабского, но «подлого» относительно «родов» старинного дворянства (к которому принадлежали Пушкин и его ближайшие друзья, многие декабристы), обиженного капризной судьбой («игрою счастья»).

Пушкин понимал, что связался он не просто с Булгариным и его единомышленниками, обвинявшими окружение поэта и его самого в литературном

аристократизме. Поэтому 24 ноября 1831 г., почти через год после написания «Моей родословной», он счел необходимым или был вынужден письменно объяснить с Бенкендорфом: «Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его – мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра» [4], Пушкин признал, что ответил стихами «очень круто» («très vertement»), и продолжал: «Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить стихотворение, о котором идет речь» (X, 663, подлинник – с.303-304).

Пушкин противоречит самому себе (в конце письма «Моя родословная» – уже «очень сдержанный ответ»), как бы отрешивается от сатиры на новую знать, но ни в коей мере не оправдывается. Больше того – обращается, по сути, еще к одному представителю новой знати, новому фавориту. Слово «знатность» в пушкинские или грибоедовские времена больше не означало непременно древнего, известного рода, знатность можно было *выслужить*: «Взманили почести и знатность?» – спрашивает Чацкий безродного Молчалина, который уже «три награжденья получил» («Горе от ума», д. III, явл. 3). Пушкин писал в неоконченном «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений»: «И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию – *pas si bete* <они не так глупы>. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленности имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и прозвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов» (VII, 143–144, 522). Поэтому именование себя «мещанином» в «Моей родословной», конечно, иронично, но не лишено серьезного смысла: «среднее состояние», по Пушкину, образовалось независимо от юридической принадлежности составляющих его лиц к дворянскому сословию. «<...> Писаки русские толпой / Меня зовут аристократом: / Смотри, пожалуй, вздор какой!» – восклицает автор «Моей родословной». Он – «родов дряхлеющих обломков», потомок «бояр старинных», но именно поэтому русский мещанин: «У нас не зая рождением знатность, / И чем новее, тем знатней».

В соответствии с Табелью о рангах, к которой поэт отсылался весьма отрицательно [5], не дворянин получал потомственное дворянство вместе с первым офицерским чином (14-го класса) или с гражданским чином коллежского асессора (8-го класса), а также, в случае награждения, относительно независимое сословие; по убеждению Пушкина, таким образом «деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость» (заметки 30-х гг. «О дворянстве» – VIII, 410; подлинник по-французски – с. 104). Мотивы отказа считать себя «аристократом» у Пушкина таковы: «Не офицер я, не асессор, / Я по кресту не дворянин, / Не академик, не профессор <...>». Ученая карьера со времен Тредиаковского и Ломоносова была одним из способов получения дворянства. «Звание профессора соответствовало чину 7 класса, адъюнкт-профессора (доцента) – 8 классу» [6], т.е. они находились в одном классе чина с подполковником и майором (при том, что военные чины все равно считались выше гражданских), принадлежали к весьма относительной «аристократии». Профессор красноречия В.К. Тредиаковский («Сию почесть и достоинство имел он первый из россиян», – отмечал Н.И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях»), был удостоен чина 7-го класса («подполковничьего») лишь при отставке: «В 1763 году по прошению его уволен от службы и награжден чином надворного советника, в котором и пробыл до кончины своей, восследовавшей 6 августа 1769 года» [7]. Профессор Академии наук и член двух иностранных академий М.В. Ломоносов дослужился до чина статского советника [8] (5-й класс), соответствующего чину бригадира в армии, среднему между полковничьим и генеральским.

Пушкин был выпущен из лицея в 1817 г. с чином коллежского секретаря (10-й класс), с тем же чином исключен из службы в 1824, не получив «двух чинов», которые ему следовали «по праву» (X, 635–636, подлинник по-французски – с. 219), а формально возвращенный на службу в 1831, получил очередной чин титулярного советника, столь неправдоподобно малый для сколько-нибудь видного человека, что спустя четыре года министр финансов граф Е.Ф. Канкрин не мог такого предполагать и писал А.Х. Бенкендорфу (10 октября 1835 г.) про «ссуду Камер-Юнкеру Коллежскому Ассессору Александру Пушкину из Государственного Казначейства» [9], невольно «присвоив» таки поэту чин 8-го класса (Бенкендорф или С.С. Уваров в 1835–1836 гг. на этот счет не ошибались) [10]. Официально великий поэт всю жизнь оставался мелким чиновником, а с конца 1833 г. был также придворным низшего ранга, что глубоко уязвляло его [11], но отнюдь не побуждало делать чиновничью карьеру. Как тонко подметила А.А. Ахматова в статье «Последняя сказка Пушкина» (1933), поэт надеялся если не художественным творчеством, то работой историографа добиться исключительного положения, подожеством тому, какое занял в свое время Н.М. Карамзин. «Еще в 1831 году, – указывает Ахматова, – Пушкин писал Бенкендорфу: «Не смею и не желаю взять за себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

И смел, и желал, – возражает Ахматова, – <...> 30-е годы для Пушкина – это эпоха поисков социального положения. С одной стороны, он пытается стать профессиональным литератором, с другой – осмыслить себя как представителя родовой аристократии.

Звание историографа должно было разрешить эти противоречия. Для Пушкина это звание неотделимо было от образа Карамзина – советника царя и вельможи, достигшего высокого придворного положения своими историческими трудами.

В соответствии с Табелью о рангах, к которой поэт отсылся весьма отрицательно [5], не дворянин получал потомственное дворянство вместе с первым офицерским чином (14-го класса) или с гражданским чином коллежского асессора (8-го класса), а также, в случае награждения, относительно независимое сословие; по убеждению Пушкина, таким образом «деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость» (заметки 30-х гг. «О дворянстве» – VIII, 410; подлинник по-французски – с. 104). Мотивы отказа считать себя «аристократом» у Пушкина таковы: «Не офицер я, не асессор, / Я по кресту не дворянин, / Не академик, не профессор <...>». Ученая карьера со времен Третьяковского и Ломоносова была одним из способов получения дворянства. «Звание профессора соответствовало чину 7 класса, адъюнкт-профессора (доцента) – 8 классу» [6], т.е. они находились в одном классе чина с подполковником и майором (при том, что военные чины все равно считались выше гражданских), принадлежали к весьма относительной «аристократии». Профессор красноречия В.К. Третьяковский («Сию почесть и достоинство имел он первый из россиян», – отмечал Н.И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях»), был удостоен чина 7-го класса («подполковничьего») лишь при отставке: «В 1763 году по прошению его уволен от службы и награжден чином надворного советника, в котором и пробыл до кончины своей, впоследствии 6 августа 1769 года» [7]. Профессор Академии наук и член двух иностранных академий М.В. Ломоносов дослужился до чина статского советника [8] (5-й класс), соответствующего чину бригадира в армии, среднему между полковничьим и генеральским.

Пушкин был выпущен из лицея в 1817 г. с чином коллежского секретаря (10-й класс), с тем же чином исключен из службы в 1824, не получив «двух чинов», которые ему следовали «по праву» (X, 635–636, подлинник по-французски – с. 219), а формально возвращенный на службу в 1831, получил очередной чин титулярного советника, столь неправдоподобно малый для сколько-нибудь видного человека, что спустя четыре года министр финансов граф Е.Ф. Канкрин не мог такого предполагать и писал А.Х. Бенкендорфу (10 октября 1835 г.) про «ссуду Камер-Юнкеру Коллежскому Ассессору Александру Пушкину из Государственного Казначейства» [9], невольно «присвоив» таки поэту чин 8-го класса (Бенкендорф или С.С. Уваров в 1835–1836 гг. на этот счет не ошибались) [10]. Официально великий поэт всю жизнь оставался мелким чиновником, а с конца 1833 г. был также придворным низшего ранга, что глубоко уязвляло его [11], но отнюдь не побуждало делать чиновничью карьеру. Как тонко подметила А.А. Ахматова в статье «Последняя сказка Пушкина» (1933), поэт надеялся если не художественным творчеством, то работой историографа добиться исключительного положения, подобно тому, какое занял в свое время Н.М. Карамзин. «Еще в 1831 году, – указывает Ахматова, – Пушкин писал Бенкендорфу: *«Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III»*.

И смел, и желал, – возражает Ахматова, – <...> 30-е годы для Пушкина – это эпоха поисков социального положения. С одной стороны, он пытается стать профессиональным литератором, с другой – осмыслить себя как представителя родовой аристократии.

Звание историографа должно было разрешить эти противоречия. Для Пушкина это звание неотделимо было от образа Карамзина – советника царя и вельможи, достигшего высокого придворного положения своими историческими трудами.

Однако Николай I и его приближенные вовсе не предназначали Пушкина для такой высокой роли [12].

Одной из очевидных причин того, что надежды поэта не осуществились, и оказалось такая художественная история, как стихотворение «Моя родословная». В ней непосредственно затронуто несколько новых дворянских родов, титулованных не по наследству, а по пожалованию.

*Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин <...>.*

Два последних процитированных стиха допускают наиболее широкое толкование: иностранцев, особенно немецкого происхождения, среди новой российской знати было много, хотя Пушкин, безусловно, имел в виду кого-то персонально. Первый и четвертый стихи – прозрачные намеки на А.Д. Меньшикова, пожалованного князем в 1707 г. [13], и А.А. Безбородко, впервые после Меньшикова удостоенного того же пожалования [14] и, кроме того, высшего гражданского чина государственного канцлера, дававшегося крайне редко. Украинец Безбородко получил образование в киевской духовной академии. Его карьера, хотя и длительная, вполне могла ассоциироваться с «прыжком». Стих «В князя не прыгал из хохлов» объективно связан по смыслу с предыдущим – «Не пел с придворными дьячками». Конечно же, имеется в виду род Разумовских. Из украинских казаков происходили братья Алексей и Кирилл Разумовские. Оба получили фельдмаршальский чин и графский титул; старший был с 1742 г. морганатическим супругом императрицы Елизаветы Петровны. Сын младшего, Андрей Кириллович, русский посол на Венском конгрессе, был возведен Александром I в княжеское достоинство с титулом светлости [15]. Другой сын Кирилла Разумовского, Алексей, прославился как реакционный министр народного просвещения в 1810–1816 гг. Пушкин в 10-е гг. написал на него эпиграмму:

*– Ах! Боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
– Бог с ним! Я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему (1, 257).*

Слух о награждении графа А.К. Разумовского высшим российским орденом – Андрея Первозванного, одним из знаков которого была голубая лента через плечо, не подтвердился. Но стихотворением «Моя родословная» Пушкин портил отношения не только с могущественным родом, наиболее возвышенный представитель которого начинал карьеру в качестве певчего. В родстве с Разумовскими состоял С.С. Уваров, вскоре ставший злейшим врагом Пушкина – и министром народного просвещения. Ю.М. Лотман пишет: «Уваров был беден и незнатен. Однако он сумел втереться в дом министра просвещения А.К. Разумовского и, разыграв сентиментальный роман, женился на его дочери, некрасивой, но очень богатой, которая была старше жениха и уже потеряла надежду на брак. Благодаря женитьбе Уваров быстро пошел в гору: тридцати двух лет отроду и будучи лишь одаренным дилетантом, он сделался президентом Академии наук. Молчалинские черты его характера уже

в ту пору коробили его арзамасских товарищей <...>» [16]. В пушкинских записях исторических анекдотов (30-е гг.) "Table-talk" упомянут язвивший над Суворовым один из самых низких угодников Потемкина, призванный им Сенькою-бандуристом» (VIII, 70), – это, согласно комментарию Б.В. Томашевского, «Семен Федорович Уваров (ум. 1788), вице-полковник л.-гв. Гренадерского полка, отец министра народного просвещения гр. С.С. Уварова; по свидетельству Ф.Ф. Вигеля в его известных «Записках», кн. Г.А. Потемкин прозвал его Сеней-бандуристом за его мастерскую игру на бандуре: с нею в руках он "плясал вприсядку"» (VIII, 381). Так что для графа С.С. Уварова напоминание в «Моей родословной» об украинской музыке вызывало ассоциации не только с родом его жены.

«Из хохлов» «прыгали» если не в графы, то в генеральские чины и другие фигуры. В "Table-talk" есть такая запись: «NN., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того, – говорил он на своем наречии, – що я такий еднорал, як вин сам». Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: «Что ты врешь? Какой ты генерал? Ты генерал-бас» (VIII, 70). Имеется в виду «Марк Федорович Полторацкий (1729–1795), украинец по происхождению, сын протоиерея в г. Соснице, Черниговской губернии, придворный певчий, сделавший себе карьеру; впоследствии занимал пост директора Певческой капеллы при Екатерине II; получил чин действительного статского советника 6 августа 1783 г.; дед А.П. Керн, А.А. Олениной и С.Д. Полторацкого, приятеля Пушкина, известного библиофила и библиографа» (VIII, 381). Дочь «генерал-баса» Елизавета Марковна была замужем за президентом Академии художеств А.Н. Олениным. В период увлечения Пушкина их дочерью Анной и его сватовства (лето 1828 г.) она была против предполагавшегося брака, возмущалась кощунственными стихами Пушкина. А.Н. Оленин как член Государственного совета участвовал в следственной комиссии о распространении отрывка из пушкинской элегии «Андрей Шенье», приуроченного в списках к событиям 14 декабря, и 28 июня 1828 г. был среди подписавших протокол общего заседания Государственного совета об учреждении над Пушкиным секретного надзора. Как известно, поэт не стал зятем Олениных, в августе-сентябре 1828 г. последовал разрыв с ними, вызвавший позднее, в конце 1829 г., сатирические строки об А.Н. Оленине и его семье в черновых строфах VIII главы «Евгения Онегина» [17]. Оленины и Полторацкие не принадлежали к титулованным дворянам, но титул сам по себе в Российской империи ценился невысоко. «Иностранцы удивлялись тому, что в России наследственный титул ничего не значит без должности, без службы военной или гражданской, без чина» [18]. Были в пушкинские времена и случаи отказа уважающих себя лиц от жалованной «знатности». Так, от получения графского титула уклонились герои Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Раевский и А.П. Ермолов [19], к которым Пушкин относился в высшей степени положительно.

Точный «адресат» строки «Моей родословной» «не ваксил царских сапогов» вряд ли может быть определен. По мнению Томашевского, имеется в виду камердинер и брэдобрей Павла I И.П. Кутайсов, сделанный графом (III, 458), крещенный императором турок. Но его сын А.И. Кутайсов, 28-летний генерал, погиб в Бородинском сражении, начальствуя над всей русской артиллерией. Поскольку же Пушкин в «Моей родословной» метит не только в родоначальников новой знати, но и в их потомство, комментарий Томашевского представляется небесспорным.

«Под гербовой печатью / Я кипу грамот схоронил, / И не акшаюсь с новой знатью <...>» – это позиция абсолютно независимого человека чести, не желающего

«якшаться» с теми, кто теперь в силе. Передавая в стихотворении сведения о своих предках, которыми Пушкин располагал (не всегда точные; их уточнение, однако, не ослабляет, а усиливает позиции Пушкина: так, «святому Невскому служил» не первый известный предок Пушкиных Ратша, а его внук Гаврила Алексич, т.е. род был древнее, чем считал сам поэт), он не стремится показать одни лишь подвиги и заслуги. Прежде всего, тут надо отметить стихи, рассказывающие об участии Федора Пушкина в заговоре Цыклера против Петра I. Но поэту важно подчеркнуть, что все Пушкины были непокорны и независимы. Это для него ценно, хотя бы даже его предок изменил царю-преобразователю, которого он ставил в пример Николаю I:

*Упрямства дух нам всем подгадил.
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукий,
Умен покорный мещанин.*

«Счастлив» значит везуч. Князь Яков Долгорукий разорвал царский указ, но Петр I его простил: «И был от буйного стрельца / Пред ним отличен Долгорукий» («Стансы» – II, 307). Мятужному Федору Матвеевичу Пушкину не повезло, так как он сговорился с «буйным стрельцом». Не повезло и Льву Александровичу Пушкину, который во время переворота Екатерины «верен оставался / Паденью третьего Петра. / Попали в честь тогда Орловы, / А дед мой в крепость, в карантин». Верность упряма также оказалась не вознаграждена. «И присмирел наш род суровый, / И я родился мещанин», хотя мог быть в чести, как Орловы. А.С.Пушкин действительно пробует в некотором роде смириться, но это у него не получается. «<...> Когда Романовых на царство / Звал в грамоте своей народ, – пишет он, – / Мы к оной руку приложили, / Нас жаловал страдальца сын», т.е. Михаил Федорович Романов, сын томившегося в польском плену патриарха Филарета. И Пушкин резко противопоставляет прошлое и настоящее: «Бывало нами дорожили; / Бывало ... но – я мещанин». Теперь Пушкиным Романовы не дорожат, это заявлено со всей определенностью.

Ахматова справедливо отмечает: «Историю своих стношений с царями Пушкин связывает с темой о взаимоотношениях рода Пушкиных с династией Романовых» [20] («Последняя сказка Пушкина»). В записных книжках Ахматова в связи с повестью В.П. Титова «Уединенный домик на Васильевском», написанной по устному рассказу Пушкина, вспоминает про «самого знаменитого сумасшедшего Москвы» графа М.А. Дмитриева-Мамонова [21] и указывает: «Но для нас интереснее, что исследователь констатирует в данном случае не наличие болезни, а притязания на престол и намек на то, что Романовы (а тем более Голштинские) имеют менее права царствовать в России, чем Рюриковичи – Дмитриевы-Мамоновы. Каждый читатель Пушкина не может не вспоминать при этом «Мою родословную» (1830 г.), где П<ушк>и<н> в сущности намекает на то же самое» [22]. Действительно, Пушкин был в изначальном смысле слова *знатнее* Николая I. Он считал свое дворянство шестисотлетним, а предок Романовых Андрей Кобыла жил в XIV в., примерно через полтора столетия после Ратши. Это не значит, конечно, что Пушкин притязал на престол. Он признал исторически свершившийся факт, тем более что народ позвал Романовых на царство, «смирив крамолу и коварство / И ярость бранных

непогод», да і Петр I быў Романовым, – но трэбаваў уважання к сабе і свому роду, доказываў, што права на уважання і незалежнасць не ён адзін заслужыў. Пушкін «крові спесь угомніў». Аднак смирэнне для яго абарачаецца опяць-такі самоутверджаннем. Семь раз, не лічачы постскриптума, назваў сябе ў «Моей родасловнай» мяшчынам (рэфрэн ў канцы кожнага васьмістышша, акрамя чцвёртага), ў чцвёртым васьмістышшы Пушкін ставіць на «свое» пастаяннае месце ў стихатворенні найбольш славнага з настоячых рускых мяшчан – Козьму Мініна:

*Воділісь Пушкіны с царямі;
Із ных быў славен не адін,
Когда цягался с полякамі
Ніжэгородскі мяшчынін.*

«Конечна, ёсць достоинство вышэ знатности рода, іменна: достоинство личное <...>, – пісаў Пушкін асенью 1830 г. ў неакончаным «Опровержении на критики. – Імена Мініна і Ломаносова вдвоем перавесят, можа быць, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами» (VII, 136).

Напамінане о Мініне ввядзіць ў «Мою родасловную» польскую тему. «Мяшчынін» Пушкін воюе с полякам Булгарыным так же, как «ніжэгородскі мяшчынін» воеваў с полякамі ў 1612 г. Пушкін лічыў зававаанне Польшы Россией історычэскі оправданым: «Уніжэнная Швеція і унічтожэнная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа» («Заметки по русской истории XVIII века», 1822 – VIII, 91); «Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю своё мнение (граф противился всеми силами исполнению сей великой ошибки)» (Table-talk, 30-е гт. – VIII, 78–79). 21 января 1831 г. Пушкін прэдсказываў ў пісьме к Е.М. Хитрово пследствія польскаго восстания: «Вопрос о Польше решается легко. Её может спасти лишь чудо, а чудес не бывает. <...> Стало быць, молодёжь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад» (X, 652, подлинник по-французски – с. 261). Но отношение к государственности Польши не совпадало у Пушкіна с отношением к полякам, в том числе вольнолюбивым. Духовную незалежнасць он умел ценить и в них. «Не то беда, что ты поляк: / Костюшко лях, Мицкевич лях!» (III, 159) – восклицает он в эпиграмме на Булгарина, написанной в 1830 г. до «Моей родасловной». Сражавшийся против русских генерал Т. Костюшко, пленник Суворова, для него такое же воплощение человеческого достоинства, как великий польский поэт. Им противопоставляется «Видок Фиглярин», шут и шпион, бывший офицер наполеоновской армии, воевавший в 1812 г. против России. «В записке о «Похвальных литературных трудах Ф.В. Булгарина», составленной для Бенкендорфа, вероятно, самим Булгарыным, говорилось, что «Булгарин почел бы себя счастливым, если б мог получить статский чин, несколько сообразный с его летами, и избавиться от звания французского капитана» (Булгарин все официальные бумаги, не имея русского чина, вынужден был подписывать: «бывший французской службы капитан»)» [23]. В антибулгаринском фельетоне Пушкіна «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831) оценивались, хоть и в ироническом контексте, московские писатели – «коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ibi bene, ibi patria*, для коих всё равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить всё русское – были бы только сыты» (VII, 171). Но, конечно,

«антипольский» пласт «Моей родословной» не мог оправдать это стихотворение в глазах новой знати и даже самого императора Николая [24].

По-видимому, полемика с Булгаринным по вопросам, связанным с родословной Пушкина, явилась одной из причин того, что роман об арапе Петра Великого (название дано при посмертной публикации в 1837 г.), начатый в 1827 г., остался незавершенным: Ю.Г. Оксман той же полемикой объяснял изъятие примечания о Ганнибале из новых изданий «Евгения Онегина» [25]. Правда, есть и другое объяснение – В.Ф. Ходасевича (статья «Прадед и пра-внук» в книге «О Пушкине»). По этой версии, Пушкин в историческом романе проводил параллель между вымышленной женьбой своего прадеда на Наталии Ржевской, у которой есть возлюбленный по имени Валериан, и собственным неудачным сватовством к С.Ф. Пушкиной, которая вскоре вслед за тем вышла замуж за Валериана Панина [26]. После этого Пушкин сватался к другим, заранее опасаясь положения обманутого мужа, но, как можно догадываться, импульс первоначальной «внутренней темы» романа был исчерпан. Версия Ходасевича правдоподобна. Однако она вовсе не исключает версию, представленную Оксманом. После насмешек даже такого ничтожества, как Булгарин, тема предка-арапа стала для Пушкина болезненной. Собственно, положение некрасивого жениха и мужа юной красавицы только усиливало эту боль. В конце 1829 г. был напечатан отрывок под названием «IV глава из исторического романа» (Ибрагима в нем нет), 1 марта 1830 г. в «Литературной газете» – отрывок из главы с заголовком «Ассамблея при Петре I-м» (Ибрагим здесь упоминается бегло, без объяснений, кто это такой). В 1834 г. те же «Две главы из исторического романа» были включены в книгу «Повести, изданные Александром Пушкиным», но продолжения произведения, которое автор явно ценил, не последовало.

В «Моей родословной» Ганнибал фигурирует без чинов и должности, только как человек, близкий к «шкиперу» Петру, с нравственной характеристикой:

*Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.*

Отсутствие упоминания чинов и заслуг естественно в поэтическом произведении. В начале автобиографии, писавшейся в 1824–1825 гг., Ганнибал был представлен как «сын владетельного князька» (VIII, 57), что было бы неуместно в «Моей родословной», перечислялись чины и заслуги Абрама Петровича и его потомков (в «Моей родословной» выделен лишь самый славный из его сыновей, «пред кем среди чесменских пучин / Громада кораблей вспылала / И пал впервые Наварин»). Если по поводу слухов об андреевской ленте графа А.К. Разумовского Пушкин смеялся, то в автобиографии едва ли не с гордостью упомянул о своем родстве с ещё одним известным сподвижником Петра, графом и кавалером: «Прадед мой Александр Петрович (Пушкин. – С.К.) был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера» (VIII, 56). О детстве и отрочестве Ганнибала при Петре Пушкин упомянул глухо: «До 1716 году Ганнибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах <...>» (VIII, 57). Л.Б. Модзалевский прямо называет то, что давало внешний повод для булгаринских издевательств: подрастающий арап «находился постоянно при Петре в качестве камердинера <...>» [27]. В романе Пушкин обошел молчанием ранние годы жизни героя, там Петр сразу посылает своего крестника учиться за границу, и тот

выпускается из военного училища капитаном артиллерии. Но в принципе поначалу Пушкин не собирался слишком поэтизировать фигуру прадеда по матери. К 1825 г. относится набросок «Как жениться задумал царский арап...», где в народном духе и стиле передаётся сочувствие не к арапу, а к избранной им невесте: «Что выбрал арап себе сударушку, / Черный ворон белую лебёдушку» (II, 205). Но, очевидно, здесь сконтаминированы образы «царского арапа» и его сына Осипа Абрамовича, владельца Михайловского, женившегося на Марии Алексеевне Пушкиной, а впоследствии представившего «фальшивое свидетельство» о её смерти и женившегося вторично, незаконно (VIII, 59). Наверняка сказались и впечатления от встреч с братом Осипа Абрамовича Петром Абрамовичем, владельцем Петровского (близ Михайловского), умершим в 1826 г. Скорее всего, старый деспот и развратник побудил Пушкина представить в «Деревне» (1819) участь дворовых худшей по сравнению с участью «земледельца» и написать о крепостных дезушках: «Здесь девы юные цветут / Для прихоти бесчувственной злодея» (I, 319) [28]. Тема Петра становится для Пушкина актуальной в 1826 г., после освобождения его Николаем I из ссылки. Соответственно меняется осмысление «ганнибаловской» темы.

Заканчивается «Моя родословная» каламбуром, в котором содержится мысль о полном отсутствии чести и благородства у Булгарина даже в сугубо личной, семейной жизни. Контрастирует отношение к семье, к роду Пушкина – и Булгарина.

*Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.*

«Мещанская улица, – комментирует Б.В. Томашевский, – район притонов. Стихи вызваны фактами биографии жены Булгарина, которая до свадьбы была связана с притонами Мещанской» (III, 458). До написания «Моей родословной» Пушкин печатно говорил о том же в фельетоне «О записках Видока»: «Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека» (VII, 102–103).

Сразу после «Моей родословной» Пушкин женится и оказывается вынужденным жить среди влиятельных лиц, относящихся к нему крайне недоброжелательно. Можно сказать, что полемика вокруг вопроса о гредках Пушкина и «Моя родословная» в частности открыли последний период жизни поэта [29], его неравную борьбу за человеческое достоинство, завершившуюся вполне закономерной гибелью.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Фомичёв С.А.** Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. – Л. 1986. – С. 62 (указатель произведений Пушкина, с 301).
2. **Ахматова А.** Соч.: В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 104.
3. **Щеголев П.Е.** Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. – М., 1987. – С. 104–105.
4. **Пушкин С.А.** Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. – Л. 1979. – Т. 10. – С. 662–663 (подлинник по-французски – С.303). Далее ссылки на это издание (1977–1979) даются в тексте («Моя родословная» – III, 197–199).
5. **Кормилов С.И.** Чины пушкинских персонажей // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 1999. – № 3.

6. **Познанский В.В.** Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. – М., 1975. – С.24.
7. **Новиков Н.** Избранное. – М., 1983. – С. 448.
8. Там же. – С. 439.
9. Дела III отделения Собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. – СПб., 1906. – С. 168.
10. Там же. – С. 171, 172.
11. В письме к жене из Оренбурга 19 сентября 1833 г. Пушкин возмущался своим слугой, который при неупевом поведении болтал о высоком общественном положении барина: «Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьёт мою мадеру, портит мои книги, по станциям называет меня то графом, то генералом» (X, 349).
12. **Ахматова А.** Указ. соч. – С. 27–28. Курсив в цитате – А.А. Ахматовой. Цитируется официальное обращение, отправленное не позднее 21 июля 1831 г. (X, 500).
13. «При...» упадке в России княжеского достоинства, Петр 30-го мая 1707 года пожаловал княжеским достоинством бывшего сперва графом, а с 1705 года светлейшим князем Римской империи, генерал-поручика Александра Даниловича Меньшикова. При этом надобно обратить внимание на то, что в этом случае княжеский титул был собственно прибавочным к титулу «герцога Ижорского», который дал Петр Меньшикову. Кроме того, сам Меньшиков не слишком дорожил княжеским титулом, который он употреблял собственно для того, чтобы поставить себя, человека не родословного, вровень с Долгоруковыми, Репниными, Голицыными и другими представителями древнего московского боярства, от которых он, кроме титула «князь», отличался ещё и титулом «светлости», а дети его обыкновенно назывались не князьями, а "принцами"» (Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. – СПб., 1886 [репринт – М., 1991]. – С. 184–185).
14. «После Петра Великого русские государи в продолжение девяноста лет не возводили никого в княжеское достоинство, вероятно, потому, что никто из знатных вельмож не льстился стать вследствие такой награды наряду с захудалыми Рюриковичами <...>. Чтобы поднять дворянско-княжеское достоинство в России, нужно было предварительно показать лиц, облеченных этим достоинством. В блеске знатности, богатства и могущества, что <...> и случилось в царствование Екатерины.
При ней явились князья среди такой обстановки, что поэтому несколько позднее император Павел I мог уже княжеский сан считать чрезвычайною наградю, особенно с титулом «светлости» <...>. Первая такая награда была пожалована им, 5-го апреля 1797 года, вице-канцлеру Графу Александру Андреевичу Безбородю» (там же. – С. 185–187). Князья, появившиеся при Екатерине, её фавориты, были князьями не российскими, а австрийскими (Священной Римской империи). «Таковыми князьями из русских подданных, кроме Меньшикова, были: генерал-фельдцейхмейстер, русский граф, Григорий Григорьевич Орлов, генерал-фельдмаршал, тоже русский граф, Григорий Александрович Потемкин, получивший от Екатерины II наименование Таврического, и генерал-фельдцейхмейстер, граф Платон Александрович Зубов» (там же. – С. 191).
15. Там же. – С. 187–188.
16. **Лотман Ю.М.** Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. – Л., 1981. – С. 216–217. См. новейшую работу об Уварове: Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: Опыт реконструкции (Неизвестный автограф меморандума С.С.Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. – № 26. (1997).
17. **Черский Л.А.** Пушкин и его окружение. – 2-е изд., доп. и перераб. – Л., 1989. – С. 305–306.
18. **Понанский В.В.** Указ. соч. – С.22.
19. **Карнович Е.П.** Указ. соч. – С.209.
20. **Ахматова А.** Указ. соч. – С. 26.
21. См. о нем: Лотман Ю.М. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов – поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 2.

22. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). – М.; Торгин, 1996. – С. 299.
23. *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. – С. 167.
24. В.Ф. Ходасевич писал, что Пушкин «собирался служить Николаю, как «сходно купленный арап» служил Петру: «усердно» и «неподкупно». Он думал, что теперь ему предстоит «смело сеять просвещение» в союзе с царём» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. – М., 1997. – Т. 3. – С. 494). Однако «союза»-то как раз и не получилось, и «Моя родословная» – важнейшая веха на пути разрушения пушкинских иллюзий 1826 г.
25. Путеводитель по Пушкину. – СПб., 1997. – С. 44.
26. Ходасевич В. Указ. соч. – С. 493–498.
27. Путеводитель по Пушкину. – С. 316.
28. «Многие черты характера Троекурова в «Дубровском» на томяют отдельные черты характера П.А.Ганнибала, а усадебный и крепостной быт Покровского – имения Троекурова – во многом сходен с тем, что видел поэт в Петровском. Совпадает с описанным в «Дубровском» и пейзаж, который виден со стороны Петровского парка, от берега озера Кучане» (Бозырев В.Э. Пушкинский заповедник // Достопримечательности Псковской области / Сост. Л.И. Маляков. – Л., 1973. – С. 261).
29. Это не для всех самоочевидно. Так, в упомянутой книге С.А. Фомичева «Поэзия Пушкина. Творческая эволюция» в пушкинской поэзии выделен период 1828–1833 гг., 1830 г. не представляется принципиально важной вехой».